

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.4 85.6

Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики*

А. В. Алейников, А. И. Стребков, В. П. Милецкий

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Алейников А. В., Стребков А. И., Милецкий В. П.* Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 514–530. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>

Проблема противоречий между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами» приобретает особую актуальность в периоды вынужденного изменения устоявшегося порядка, фундаментальной, онтологической неопределенности. В данной статье на основе обобщения рискологической литературы предлагается методология анализа конфликтного потенциала разных типов риск-рефлексий. Концептуальной базой исследования послужили теоретические разработки по проблемам диалектики форм риска и защиты/безопасности, объективных оснований риска и его рефлексии. В этой дискуссии особое место занимают работы У. Бека, в трактовке которого актуализация социальных напряженностей связана с конфликтностью восприятия рисков их производителями и потребителями, и П. Вирно, предложившего определенные теоретические решения по методологии вычленения ключевых элементов риск-рефлексивности. Внимание авторов сфокусировано на анализе основных рефлексивных характеристиках «риск-стейкхолдеров». Показано, что риск-рефлексии сопряжены с идеологическими и политическими предпочтениями, а в распределении рисков существует различие иерархий, в которых при доминировании одних стейкхолдеров в зоне угроз и опасностей риск-бенефициары формируют в своих интересах стратегии адаптации аутсайдеров, навязывая им определенные модели риск-рефлексий, формы институализации шансов на выигрыш и стратегий рискованного поведения. Рассматриваются подходы к решению вопроса о критериях отбора различными группами интересов приоритетов важно-

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

сти и значимости опасностей, оценки/переоценки/недооценки уровня тяжести риска и его социальной приемлемости. Представлен теоретический ракурс рассмотрения социально-приемлемого уровня риска, его емкости, лимита и несогласия социальных субъектов в оценку толерантности к нему на основе модели «риск-аппетита». В этом контексте особое внимание уделяется логике «продажи и покупки» свободы от угроз и безопасности как источника конвертации ресурсов управления рисками в обладание властью и собственностью. Авторы приходят к выводу, что эксплуатация рисков и получение ренты от управления ними, рефлексивная консервация системы дистрибуции рисков вызывают рост конфликтогенного потенциала в обществе.

Ключевые слова: риск, риск-рефлексия, конфликт, неопределенность, риск-стейкхолдеры, риск-бенефициары, риск-аутсайдеры.

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении некоторых концептуальных инструментов исследования моделей риск-рефлексий с использованием конфликтологической парадигмы, а также роли восприятия рисков в актуализации конфликтного поведения.

Авторы представляют новое исследовательское поле, связанное с анализом конфликтного потенциала разных типов риск-рефлексий, лежащих в основе противоречий между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами». Задача развития системы стратегического планирования, внедрения риск-ориентированного подхода с учетом потенциальных внешних и внутренних вызовов и угроз, поставленная в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента от 02.07.2021 г. № 400 («О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»), требует новых системных подходов к анализу противоречий между производителями и потребителями рисков, теми, кто извлекает из них выгоду, и теми, кто терпит убытки.

Этот конфликт, пронизывающий все сферы жизнедеятельности общества, ставит на повестку дня теоретическую и практическую задачу продолжения углубленной разработки мер усиления конструктивного и девальвации деструктивного влияния риск-рефлексий на существующие социальные напряженности, конфликты и национальную безопасность.

Мэри Дуглас (Mary Douglas), одна из основателей современной рискологии, рассматривая политизированные формы опасностей, в свое время заметила, что «слово “риск” вновь обрело популярность... Если первоначально высокий риск означал игру, в которой кости, весьма вероятно, могли выпасть так, чтобы привести к крупным потерям или неприятностям, то теперь “риск” относят только к отрицательным результатам. Слово фиксировано для обозначения “плохих” рисков. Обещание чего-то “хорошего” в современной политической речи выражают в других терминах. Язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах» [1, с. 244]. По сути, М. Дуглас опирается на позицию Г. Гегеля (G. Hegel), который определял риск как «становящееся отрицание» [2, с. 321].

Подобную теоретико-методологическую посылку только подтверждают современный процесс вынужденного изменения устоявшегося порядка, исследовательские тренды и теоретические модели, описывающие механизмы и условия новой реальности как «BANI — мир» (brittle — ‘хрупкий’, anxious — ‘тревожный’, nonlinear — ‘нелинейный’, incomprehensible — ‘непостижимый’) [3].

Свидетельством тому служат эмпирические исследования тревожных реакций и страхов в новой социальной реальности различных российских социологических центров.

Так, например, согласно «Национальному индексу тревожностей» компании КРОС¹, который строится на основе вопроса: «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», в российском обществе доминируют тревоги и фобии, связанные с ростом цен и дефицитом товаров и лекарств, реакциями общества на СВО и западные санкции, ходом спецоперации, уходом иностранных компаний, усилением ограничений в интернете, эскалацией конфликта с Западом, повышенным уровнем угрозы диверсий, «культурой отмены России» (проявлениями русофобии), финансовой нестабильностью и сокращением количества платежных инструментов, реакцией западных СМИ на СВО [4].

«Индекс страхов» ВЦИОМа, показывающий, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы, выглядит следующим образом: обострение конфликтов между Россией и другими странами и начало военных действий; рост социальной несправедливости и неравенства между людьми; снижение доходов; подорожание привычных товаров и утрата возможности их покупок; отказ в оказании бесплатной медицинской помощи; плохое качество бесплатной медицинской помощи; разгул преступности; потеря работы; беспорядки внутри страны, вызванные акциями протеста против власти².

Иерархия массовых страхов россиян в исследованиях «Левада-центра»* выглядит следующим образом (в порядке убывания): болезни близких, мировая война, произвол властей, болезни, возврат к репрессиям, бедность (нищета), СПИД, потеря сбережений, смерть, нападение преступников, ужесточение политического режима, стихийные бедствия, потеря работы, публичные унижения, старость [6].

Восприятие рисков характеризуется «туннельным» мышлением», сужением временного горизонта, неготовностью оценивать альтернативные варианты будущего, недооценками вероятности и серьезности угроз, снижением критического мышления и подверженностью вере в фейковые новости, верой в опасный мир и конспирологические теории, противопоставлением «мы — они» [7].

Можно назвать лишь некоторые из наиболее важных теоретико-методологических затруднений, с которыми сталкивается современная аналитика риска в вопросе о том, какова степень самостоятельности позиций и рефлексивности социальных субъектов, их деятельности и ответственности в рискованной ситуации.

Являются ли их адаптивные стратегии плодом собственной прерогативы, особенно в случаях восполнения неэффективности властной регуляции и превенции

---

¹ Основой для проведения исследования является выборка качественных печатных и телевизионных СМИ федерального и регионального уровня, а также аккаунты активных пользователей крупнейших социальных сетей в России. Перечень тревожностей приводится в порядке убывания значимости, исчисляемой в медиаюнгах (MJng) — единицах «измерения воспроизводства тревоги и ее проникновения в СМИ и социальных сетях (производная упоминаемости темы в СМИ/соцсетях от отношения потенциальной суммарной аудитории темы и реально измеряемой аудитории темы в СМИ/соцсетях)» [4].

² Индекс страхов показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», измеряется в пунктах [5].

* «Левада-центр» признан иностранным агентом в РФ.

рисков? Является ли власть доминирующей формой определения шанса на выигрыш и стратегий рискованного поведения, запрещает, корректирует или поощряет искателей риска и уклоняющихся от него? Как сопряжены риск-рефлексии с идеологическими и политическими предпочтениями? Кто в конечном итоге принимает решения о том, какое количество риска могут или не могут, хотят или не хотят принять государство, общество и индивиды? В чьих руках находятся инструменты и возможности для принудительного регулирования рискованного поведения и каково при этом соотношение «транзакционных издержек» для субъектов принуждения и издержек на поддержание данного типа отношений? Что лежит в основе оценки/переоценки/недооценки уровня тяжести риска и готовности принять его для повышения своего социального статуса или максимизации политических выгод от рискованной ситуации? Наконец, какая инстанция устанавливает баланс интересов в реализации шансов в логике социального распределения риска, которая иерархична [8, с. 21, 42] и может стать основой делигитимации политических практик?

Мы полагаем, что ответы на эти вопросы следует искать в следующих направлениях.

В современных исследованиях включения и форсажа режима глобальной турбулентности, появления непредсказуемых и плохо управляемых рисков, трансформаций коллективных и индивидуальных ментальных образов, с помощью которых интерпретируется новый формат угроз и опасностей, отчетливо фиксируется теоретическая комплементарность при характеристике этого процесса как «критической ситуации» [9, р. 314].

С нормативных позиций политической социологии риска — это «фундаментальная, онтологическая неопределенность», т.е. пространство непредсказуемых структурных изменений, когда «системно определенные ожидания больше не жизнеспособны» [10, с. 21]. Как справедливо замечает российский исследователь Алексей Грыкалов, это зона «деструкции, смещения, отсутствия гармонии, появления непоименованного и даже принципиально неименоваемого», в которой «открывается непонятное, иногда — ужасающее, ни к чему не сводимое» [11, с. 13].

Исследования структурной сопряженности неопределенности и рисков достаточно широко представлены в современной литературе. Возникающие на этой основе теоретические конструкции концептуализируют неопределенность как особый тип ощущений утраты социального статуса и роли, размывания и деформации структур, трактуют ее и как дезорганизацию и утрату управляемости и как невозможность адекватной рефлексии рисков и угроз [12].

Используя классификацию Дугласа Норта (Douglass North), можно предположить, что для современного мира характерна амплитуда сменяющихся друг друга в маятниковом ритме неопределенностей четвертого уровня (новые, ранее не встречавшиеся ситуации) и пятого уровня (неопределенность как основа для иррациональных убеждений) [13, с. 32–33], для которого характерны «массовый характер психологической травматизации... рост депрессивных и тревожных расстройств, стигматизация, снижение критичности мышления и всплеск популярности конспирологических теорий» [14, с. 24].

Следует заметить, что при всех вариантах номинирования социальных проблем как угрожающих и опасных, т.е. способных нанести ущерб и привести к по-

тере ресурсов, многоликие формы проявления выхода из зоны стабильности, которые определяют их включение в «строительство повестки дня» [15; 16], должны обладать определенными субстанциональными опциями, определяющими динамику структурирования риск-рефлексий.

Традиционным ресурсом для проблематизации риск-рефлексивности является диалектика страха и безопасности. Речь в данном случае идет о комбинации форм риска, которым соответствуют формы защиты/безопасности, объективных оснований риска и его рефлексии, реального и конструируемого. Важно, что «в осознании рисков распространены и пользуются особым спросом смещенные мысли и действия, смещенные социальные конфликты» [8, с. 57].

Диалектика страха и безопасности в том и заключается, что страхи как субъективная рефлексия, влекущая за собой действия преднамеренно конфликтные, являются действиями, направленными на разрушение сложившейся системы безопасности, выраженной в стабильности государства и общества.

Вряд ли можно в этой связи согласиться с выводами исследователей «Левада-центра»* о том, что страхи «представляют собой негативный способ производства и удержания ценностей в условиях подавления возможностей самозащиты или отсутствия гарантий для безопасной и субъективно контролируемой жизни» и «становятся не отражением каких-то конкретных угроз для безопасности или благополучия повседневной жизни обычных людей, а механизмом артикуляции того, что для них ценно и очень важно» [17].

Подобный вывод, на наш взгляд, в определенной мере принижает значение страхов в обеспечении безопасности, стабильности и устойчивости общества, превратив проблему страхов в частную проблему, оставив индивидов один на один с объективными основаниями рисков и их рефлексий. Принципиальным при этом является учет тонкого замечания У. Бека (U. Beck) о том, что «с ростом опасности и при одновременном политическом бездействии в обществе риска появляется имманентная тенденция стать “обществом козлов отпущения”: не опасности виноваты, а те, кто их вскрывает и сеет в обществе беспокойство» [8, с. 57].

Весьма показательна в связи с этим исследовательская установка Паоло Вирно (Paolo Virno), позволяющая увидеть *определенную опасность, у которой есть «имя и фамилия»* и имеются ресурсы по совладанию с ней (деятельность политических институтов, потеря работы и т. п.), и *абсолютную опасность*, связанную с нашим собственным существованием, не имеющую конкретного облика и однозначного содержания и требующую защиты от мира как такового.

П. Вирно интенсивно артикулирует тезис, согласно которому «страх всегда ограничен и может быть назван. Тревога — вездесуща, она не связана с каким-либо особым случаем и может предстать в любой момент и при любых обстоятельствах... Постоянное изменение форм жизни, а также рутина столкновения с бесконечными типами риска ведут к прямым отношениям с миром как он есть в неопределенном контексте нашего существования» [18, с. 23–25].

Иными словами, в концептуальной оптике Вирно можно выделить следующие ключевые элементы риск-рефлексивности.

---

* «Левада-центр» признан иностранным агентом в РФ.

Во-первых, при столкновении с *определенной, фактической опасностью* социальный субъект испытывает страх, который смешивается с общей рискованностью и абсолютной неуверенностью, «ужасом существования вне стен общества»³.

Во-вторых, необходимо диаметрально перевернуть представление о том, что «тревожная растерянность якобы избегает общественной сферы и касается исключительно внутреннего мира индивидуума» [18, с. 23–25], в отличие от опасности, которая может быть остановлена извне. Напротив, в условиях тотальной незащищенности, соединении страха и тревоги рельефно проявляется такая особенность восприятия опасностей, как «не ощущать себя в собственном доме».

В-третьих, ошибочной является схема «стимул — реакция» или «причина — результат», т. е. последовательность «чувство страха — поиск защиты». Более предпочтительна установка, при которой вычленение конкретных различных форм опасностей определяется изначальным поиском защиты. Опасность рассматривается как специфическая форма защиты, что позволяет увидеть две стратегии спасения: защита, внушающая страх, и противостоящая ей «защита второго уровня» [18, с. 26].

Теоретически значимой для рассматриваемой нами проблематики представляется посылка П. Вирно о том, что «с исторической и социологической точек зрения нетрудно понять, что зло выражается именно и исключительно в качестве ужасающего ответа на рискованность мира, в качестве опасных поисков защиты: достаточно подумать о передаче своих прав суверену (сильному или опереточному — неважно), о судорожном расталкивании других локтями ради собственной карьеры, о ксенофобии. Можно было бы даже сказать, что по-настоящему тревожным является именно способ противостояния тревоге» [18, с. 28].

В любом случае пренебрежение безопасностью или «бряцание» ею без анализа и распознавания настоящей опасности создают неадекватные, слабореlevantные или наивные представления о рисках и угрозах, формируют веру в удачу и получение результата без существенных усилий, завышение шансов на благополучный исход или минимизацию шансов на нежелательный вместо поиска рациональных формул управления рисками.

Нобелевский лауреат Морис Алле (Maurice Allais), рассматривая восприятие рисков сквозь призму шансов на успех или неудачу, подчеркивал, что «некоторые люди, верящие в свою счастливую звезду, недооценивают вероятность неблагоприятных для них событий и переоценивают вероятность благоприятных. Обратное верно для людей, которые считают, что в жизни их преследуют неудачи» [19, с. 219].

Максом Вебером (Max Weber) введены понятия «позитивной и негативной привилегированности», которые стали активно использоваться в качестве критериев положения стейкхолдеров в социальной иерархии распределения шансов и рисков [8; 20; 21].

Под «риск-стейкхолдерами», исходя из концепций заинтересованных сторон А. Менделоу (A. Mendelow) и Р. Фримана (R. Freeman) [22; 23], в настоящей статье понимаются лицо или группа, влияние которых в распределении, воздействии и восприятии риска определяется на основе параметров уровня власти

---

³ П. Вирно предлагает использовать термин «беспокойство», который, с одной стороны, отличается от «страха» и от «тревоги», но с другой — соединяет их характеристики. При этом он оговаривает, что этот выбор «пришлось бы слишком долго оправдывать» [18, с. 26].

и уровня интереса. Власть риск-стейкхолдера — способность оказывать влияние на распределение и восприятие рисков. Интерес стейкхолдера — уровень приемлемости стратегий, направленных на усиление его влияния путем создания условий для возможности наступления события, представляющего какую-то опасность.

В одной из наиболее сложных и значительных рискологических теорий в современной литературе Никлас Луман (Niklas Luhmann), настаивая на различии риска и опасности, связывал его с аналитикой решений. Эвристические возможности системной теории во многом определяются тем, что в исследованиях немецкого социолога акцентируется послыл о том, что, если предотвращение ущерба является следствием собственного решения, речь идет о риске, корреляция же ущерба с причинами, находящимся вне собственного контроля лица, которому он угрожает, является опасностью. Таким образом, «расширение возможностей решений... перемещает проблему из сферы опасности в сферу риска» [24].

Связывая специфику варьирования риск-рефлексий с тематизацией социальных, включая политические, условий, социальной стратификацией, возрастом, опытом и знаниями акторов, Луман подчеркивает, что в основе социальных конфликтов лежат ситуации, в которых «рискованное поведение одного становится опасностью для других» [24]. Это проявляется и в конфликтности диспозиций, властвующих над риском и подвластных риску, поскольку, с одной стороны, риск, несмотря на просчитанность со стороны управляющих, может порождать опасности для неучаствующих в принятии решений управляемых. Политическая практика показывает, что «при ограниченных возможностях участия в важных и чреватых последствиями решениях разногласия по поводу риска/опасности вызовут скорее разочарование и недовольство, нежели единение» [24].

Соглашаясь с тезисом Н. Лумана о влиянии на опасности для одного социального субъекта рискованного поведения другого, мы не склонны придавать этому факту всеобщей основы социальных конфликтов. Риски, если мы говорим не о природе и ее законах, а о человеческом обществе, есть эпифеномен борьбы или конфликта, они сопровождают конфликт, но не порождают его. Риски есть продукт неопределенности, который несет в себе конфликт. Рискованные действия на одной стороне конфликта, конечно, связаны с риском поражения этой стороны конфликтного взаимодействия, но также, при удачном стечении обстоятельств, и с риском поражения противоположной стороны. Поэтому в сложной комбинации взаимодействия конфликта и риска доминирующую и определяющую роль играет все-таки конфликт, а не риск, как это представляет Н. Луман. Но поскольку сам конфликт есть, также, как и риск, следствие господствующих в обществе законов, они на равном основании признаются в качестве угроз общественной и национальной безопасности. Здесь риск и конфликт ставятся на одну доску, уравниваются между собой и выдвигаются в качестве опасностей. Такое возможно в связи с тем, что риск как понятие охватывает всю совокупность опасностей в обществе. Риск — собирательное понятие, вбирающее в себя имеющиеся и предполагаемые опасности, одной из которых может быть конфликт. Поэтому если рассматривать конфликт с той его стороны, которая связана с разрушением, то он выдвигается в категорию опасностей и рисков для существующей совокупности отношений, но если конфликт демонстрирует свои положительные качества, отрицая существующие отношения, подвигает к новым отношениям, то в таком случае риск объемлет все

те опасности, которые подстерегают субъектов, вступивших в конфликт ради этих новых отношений. Те субъекты, которые тщатся сохранить существующие отношения, в целом не подвержены рискам потому, что эти отношения есть действительные и известные. Но те субъекты, которые желают изменить существующие социально-политические отношения на новые, безусловно, рискуют.

В последнем случае риски минимизируются действиями, подкрепленными знаниями о перспективах завершающейся стадии конфликта. А это означает, что выход за пределы конфликтных отношений и опасностей должен быть осознанным и обоснованным.

В распределении рисков важным является различие «властной иерархии», в которой принятие решений о действиях в ситуации риска и информация об угрозах осуществляется «сверху вниз», и «коллаборативной иерархии», в рамках которых решения, связанные с определением уровня социальной приемлемости рисков, принимаются на основе консенсусных процедур, учитывающих предпочитаемые различными группами интересов альтернатив и их аргументов в пользу того или иного решения [25].

При доминировании (господстве) производства рисков, по О. Н. Яницкому) одних стейкхолдеров в «зоне» угроз и опасностей риск-бенефициары не только навязывают аутсайдерам удобный им формат риск-рефлексии, но и формируют в своих интересах стратегии адаптации, ограничивая возможности их выбора.

Теоретически продуктивным является разделение понятий поля и зоны. В поле политика связана с целеполаганием и принятием общественно важных решений, в зоне — с достижением личных целей и согласованием групповых интересов путем договоренностей [26].

Именно в зоне рождается концептуализированное О. Н. Яницким в рискологических понятиях «иррациональное социальное пространство “беспредела”, где невозможно жить, но откуда невозможно и убежать», характеризующееся максимальным риском для риск-потребителей «при минимальной ответственности для риск-производителей... максимальной ставкой для некоторого социального субъекта (жизнь) в ситуации полной невозможности непосредственного ответа на угрозу (все ресурсы выживания в чужих руках)» [27, с. 95].

Беспредел является завершением развития «критического случая», детерминантами которого выступают всеобщий страх и всеобщее недоверие, «критического» социального порядка, понимаемого как предельное состояние общества риска, ситуация высокой неопределенности; «точкой сборки» объективной, гносеологической, стратегической неопределенности, неопределенности желаний, целей, критериев выбора решения, действий других политических акторов и социальных субъектов, т.е. всей совокупности условий, наступающих к моменту принятия управленческого решения [28–30].

В теории хаоса это состояние определяется как «непрерывный каскад бифуркаций» [31], выбор между плохим и очень плохим сценариями, при котором для «перекрытия» существующих рисков, угроз и опасностей создаются новые, одни неопределенности «камуфлируются» другими, а незначительные ранее факторы риска создают новые «критические случаи», которые снижают возможности управленческого маневра, но требуют все большего расхода политико-административного и человеческого ресурса.

У. Бек язвительно называет подобных управленцев рисками «акробатами допустимых величин», подчеркивая, что «признание ими своего невежества было бы благом для всех. Самое неприятное и опасное заключается в том, что они этого не знают, но делают вид, будто знают, и догматически настаивают на своем сомнительном “знании” даже там, где они давно уже могли бы кое-что узнать» [8, с. 84–85].

Используя исследовательскую стратегию С. Хилгартнера (S. Hilgartner) и Ч. Боска (Ch. Bosk), можно предположить, что ход событий в зоне риска будет определяться рефлексивной аттестацией ситуации угроз как драматичной⁴, новой⁵, принятой в качестве авторитетной версии реальности в ходе сложного процесса отбора приоритетов важности и значимости опасностей различными группами интересов с их культурными предпочтениями. Результат этого процесса определятся, по мнению Хилгартнера и Боска, сложной организационной и культурной конкуренцией, в ходе которой «элиты (которые, как правило, являются выгодоприобретателями рисков и торговцами угрозами. — Авт.) могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, предавая некоторые вопросы “политически обеспечиваемому забвению”» [32, р. 64].

«Аутсайдеры» же системы управления рисками, фиксируя и ранжируя их, являются «совокупностью интерпретаторов», контролируя угрозы в формате точечного придания их гласности, «акта привлечения внимания, который понимается по принципу “игры с нулевой суммой” (т. е. игры, в которой может быть только один победитель)» [33, с. 151].

Для риск-аутсайдеров комфортна только ситуация определенности, упорядочения и ранжирования угроз «сверху» путем детальной регламентации рискованного поведения, четких политических указаний и предписаний, как выжить и что делать в опасных ситуациях.

Само наличие ситуации неопределенности рассматривается ими как основание для допустимости минимизации последствий риска для одних за счет других, поддержки различных рестриктивных мер купирования рисков, потери «экзистенциальных координат», которая компенсируется возвращением к «традиционным» ценностям.

Если принять эту концептуальную установку, то, на наш взгляд, вполне возможно воспользоваться теоретическими ресурсами известной модели «власти-собственности» [34–36].

Перефразируя известное определение «власти-собственности» Л. С. Васильева [37, с. 101], можно предположить, что «власть-риск» — это приватизация производства, распределения и коммуникации угроз и опасностей от имени и в интересах отдельной группы.

Для этой модели определяющим является то, что именно власть конструирует представление о рисках, а ее функции по созданию, использованию или предотвращению угроз определяются сквозь оптику «риск-аппетита» [38], основанную на

---

⁴ Авторы подчеркивают, что борьба конкурирующих стейкхолдеров «может принимать несколько иную форму, когда одна группа стремится драматизировать проблему, в то время как другая использует стратегии “дедраматизации”» [32, р. 62].

⁵ «Заинтересованные группы... постоянно ищут новые образы и новые способы извлечь выгоду из текущих событий, чтобы придать актуальность своим презентациям проблем» [32, р. 63].

оценке вероятности рисков и их последствий на основе политических предпочтений.

Модель риск-аппетита более или менее точно описывает социально-приемлемый уровень риска, определяемый исходя из двух параметров. С одной стороны, это социальная и политическая *емкость риска*, лимит, который власть и индивиды могут принять без очевидных неотвратимых потерь, без краха, разорения и банкротства. С другой стороны, риск-аппетит фиксирует сущностно значимые степени несогласия социальных субъектов в связи с оценкой толерантности к риску. Необходимо учитывать, что асимметричная конструкция риск-аппетита продуцирует соответствующие формы социальной дифференциации и неравномерной дистрибуции рисков в обществе — «часто те, кто наиболее подвержен риску, наименее способны справиться с ним» [39, р. 15].

У. Бек называл «договор» о сдерживании и «справедливом» распределении рисков «пактом безопасности», который должен, с одной стороны, учитывать факт опасностей, а с другой — вовлекать «индивидов в процесс их предотвращения и компенсации» [40, с. 164].

Это требует более глубокого теоретического осмысления с самых разных методологических позиций ряда фундаментальных трендов политизации моделей риск-рефлексий «риск-бенефициаров» и «риск-аутсайдеров», имеющих свои основания, свою политическую логику и свои противоречия, поскольку риски «могут отделяться от их непосредственного производителя и функционировать в обществе самостоятельно как “социальные факты” либо как некоторый социальный инструмент» [41, с. 147].

В сложных и подвижных конфигурациях отношений между акторами и объектами социального регулирования рисков «всегда найдется желающий, который под лозунгом “Иного не дано!” провозгласит свою правоту единственной и неизбежной, а себя — уполномоченным катастрофы, управляющим “оставшимся временем”. Вместо продуктивной полифонии мы получим гекатомбу из несводимых, несвязанных и идеологизирующих себя сингулярностей» [42, с. 166].

Обозначенная «диалектика страха и защиты» позволяет показать роль и значение риск-рефлексий, используемых для реализации собственных политических интересов. Сам по себе «риск не означает катастрофу. Риск означает ожидание катастрофы. Таким образом, в обществе риска мы имеем дело с чем-то, что еще не все же становятся реальными — и которым мы хотим помешать стать реальными» [43, р. 332], что, безусловно, влияет на эффективность политических решений.

Ранее мы уже высказывали некоторые предположения относительно разных типов рефлексивности, определяющих разные позиции по отношению к рискам и угрозам [44].

Последовательно развивая модель Маргарет Арчер (Margaret Archer) [45; 46], мы выделили четыре типа риск-рефлексивности:

- 1) получение индивидуальным и групповым социальным субъектом одобрения перед своими действиями в ситуации риска у других интересантов — коммуникативная риск-рефлексивность;
- 2) принятие самостоятельных решений о своих действиях в условиях угрозы — автономная риск-рефлексивность;

3) критическая оценка эффективности собственных политических практик в рискогенной среде, выбор форм рискованного поведения (с учетом индивидуального и коллективного социального опыта) на основе преодоления разрыва между представлениями об угрозах и опасностях как удаленных в пространстве и времени и восприятием опасностей как «перейденного Рубикона» — «мета»-риск-рефлексивность;

4) дезориентация и неспособность к осмысленным конструктивным стратегиям совладания и защиты от угроз, дезадаптивные страхи и апокалиптизм в оценке возможностей предотвращения рисков, их «экзистенциализация» — сломанная, или нарушенная, риск-рефлексивность.

Напомним, что в концепции естественного государства Д. Норта, Д. Уоллиса (J. Wallis) и Б. Вайнгаста (B. Weingast) [47] речь идет об основах социального порядка ограниченного доступа, т.е. таких формальных и неформальных нормах, практиках, правилах социального взаимодействия, которые базируются на монополии на ренту. Мы уже имели возможность высказать предположение, что вполне очевидно наличие монополии на такой дефицитный ресурс, как премия за выгодную позицию в социальной иерархии распределения рисков [48]. Привилегированный доступ «риск-бенефициаров» к ресурсам и инструментам рефлексивного управления рисками позволяет обеспечивать «приручение» к опасностям риск-аутсайдеров, политическую и аксиологическую актуализацию у них осознания неизбежных потерь (эти испытания уже были в прошлом и, несмотря на жертвы, мы их преодолели), используя в том числе манипулирование мировоззренческой защитой за счет противопоставления стратегий совладания с угрозами у обладателей противоположного «культурного кода»⁶. При этом при активации угроз акцентируется внимание на наличие у производителей риска уникальных компетенций оценки рисков и принятия обоснованных решений для обеспечения безопасности и социальной стабильности, т.е. навыков «риск-менеджмента ужасом» [50].

В этом случае, как указывает Г. Майтен (G. Mythen), «диапазон и глубина неопределенностей — в сочетании с потенциальными масштабами угрозы — способствуют расширению возможностей управления с помощью страха» [51].

В «рентном обществе риска», где распределение угроз является нематериальным благом, которое получают за счет привилегированного положения в стратификационной структуре или эксклюзивного доступа к ограниченным ресурсам [52, с. 25, 74], управлению и патронажу над рисками, разработке стратегий, методов и механизмов преодоления неопределенности, «те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска» [8, с. 23].

Таким образом, «продажа и покупка» свободы от угроз и безопасности становятся новым источником возможностей конвертации ресурсов управления рисками в источник власти и собственности. Риск-рефлексии в порядках ограниченного доступа обслуживают или консервируют системы дистрибуции рисков или блокируют доступ к механизмам их купирования и превенции, являясь символическим

⁶ В академической литературе высказывается предположение, что «концепция культурных кодов — это разновидность концепций культурного детерминизма, в практическом плане означающая бессмысленность попыток изменить status quo, пойти “против своего культурного кода”» [49, с. 92].

инструментом для усиления социального и политического статуса за счет наиболее подверженных рискам, причиной конфликтов за ресурсы распределения позитивных и негативных эффектов, выгоды и ущерба от риска. Извлечение же ренты риска является допингом эскалации конфликтов.

Эффект эскалации конфликтов, порождаемый монополизацией сфер жизни, в которых опасность и риски превращены в условия существования индивидов, а управление рисками — в источник власти и собственности, сужает диапазон позитивного воздействия государства на систему опасностей и рисков, объективно порождаемых всей системой экономического и политического господства товарно-денежных отношений. Риск-ориентированный подход в сфере экономики и особенно в политике видоизменяет целевые экономические и политические установки, девальвирует основополагающие и традиционные ориентиры экономической и социальной политики государства.

Риск-рефлексивная политика исключает из своего собственного поля наиболее значимые элементы, необходимые для купирования опасностей, выходящих за пределы риск-отношений, но оказывающие основополагающее влияние на весь образ жизни гражданского общества. Общество и государство в лице «риск-бенефициаров», начинающее эксплуатировать риски и получать в результате работы с ними определенную ренту или доход, перераспределяет общественное богатство, изымая его у тех отраслей экономики и политики или «риск-аутсайдеров», которые наименее защищены от функционирования рынка. В целом напряжение в отношениях распределения с необходимостью вызовет рост конфликтогенного потенциала в обществе, а вместе с тем потребует от общества и государства изменить отношение к риск-ориентированным подходам в экономике и политике, большего внимания к причинам, а не следствиям функционирования общественного организма, к конфликтным способам взаимодействия, эпифеноменами которых являются риски.

Литература

1. Дуглас, М. (1994), Риск как судебный механизм, *THESIS*, вып. 5, с. 242–276.
2. Гегель, Г. (1978), *Политические произведения*, М.: Наука.
3. Cascio, J. *Facing the Age of Chaos*. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 15.03.2023).
4. Компания КРОС, *Спецпроект в рамках исследования «Национальный индекс тревожностей»*. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/1231/> (дата обращения: 15.03.2023).
5. Индекс страхов, *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. URL: wciom.ru/ratings/indeks-strakhov (дата обращения: 15.03.2023).
6. Иерархия массовых страхов жителей РФ, *Левада-центр**. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Нестик, Т. А. и Задорин, И. В. (2020), Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5, с. 4–28.
8. Бек, У. (2000), *Общество риска: на пути к другому модерну*, М.: Прогресс-Традиция.
9. Schmidt, V. A. (2008), Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse, *Annual review of political science*, no. 4, pp. 303–326.
10. Селигмен, А. (2002), *Проблема доверия*, М.: Идея-Пресс, 2002.

---

* «Левада-центр» признан иностранным агентом в РФ.

11. Грякалов, А. А. (2014), Неопределенность: событие и рефлексия, *Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, вып. 2, с. 12–21.
12. Зубок, Ю. А. и Чупров, В. И. (2008), Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2, с. 142–155.
13. Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*, М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
14. Нестик, Т. А. и Журавлев, А. Л. (ред.) (2020), *Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ*, М.: Институт психологии РАН.
15. McCombs, M. and Shaw, D. (1972), The agenda-setting function of mass-media, *Public opinion quarterly*, vol. 36, no. 3, pp. 176–187.
16. Соловьев, А. И. (2019), Политическая повестка правительства, или зачем государству общество, *Полит. Политические исследования*, № 4, с. 8–25.
17. Характер и структура массовой тревожности в России, *Левада-центр**. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/21/harakter-i-struktura-massovoj-trevozhnosti-v-rossii/> (дата обращения: 15.03.2023).
18. Вирно, П. (2013), *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*, М.: Ад Маргинем Пресс.
19. Алле, М. (1994), Поведение рационального человека в условиях риска, *THESIS*, вып. 5, с. 217–241.
20. Гидденс, Э. (1994), Судьба, риск и безопасность, *THESIS*, вып. 5, с. 105–134.
21. Тихонова, Н. Е. (2018), Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества, *Социологические исследования*, № 6, с. 53–65.
22. Freeman, R. E. (1984), *Strategic management: a stakeholder approach*, Boston: Pitman.
23. Mendelow, A. (1991), Environmental Scanning: The Impact of the Stakeholder Concept, *Proceedings From the Second International Conference on Information Systems*, pp. 407–418.
24. Луман, Н. (2013), Риск и опасность, *Отечественные записки*, № 2. URL: <https://strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost/> (дата обращения: 15.03.2023).
25. Полтерович, В. М. (2021), Коллаборативные иерархии, *Вопросы экономики*, № 7, с. 31–48.
26. Недяк, И. Л., Павлова, Т. В., Патрушев С. В. и Филиппова Л. Е. (2020), Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации, *Социологические исследования*, № 1, с. 42–53.
27. Яницкий, О. Н. (2002), «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска», *Социологическое обозрение*, т. 2, № 2, с. 86–99.
28. Диев, В. С. (2019), Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте, *Сибирский философский журнал*, № 4, с. 41–52.
29. Качалов, Р. М. (2020), Феномен риска как искусственный объект экономических исследований, *Проблемы анализа риска*, № 1, с. 100–108.
30. Мадера, А. Г. (2014), *Риски и шансы. Неопределенность, прогнозирование и оценка*, М.: URSS.
31. Магницкий, Н. А. (2011), *Теория динамического хаоса*, М.: Ленанд.
32. Hilgartner, S. and Bosk, Ch. L. (1988), The rise and fall of social problems: a public arenas model, *American journal of sociology*, 1988, no. 1, pp. 53–78.
33. Дьякова, Е. Г. (2002), Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня, *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, вып. 3, с. 144–168.
34. Латов, Ю. В. (2004), Власть-собственность в средневековой России, *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, № 4, с. 111–133.
35. Плискевич, Н. М. (2006), «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации, *Мир России*, № 3, с. 62–113.
36. Цирель, С. В. (2006), «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов, *Общественные науки и современность*, № 3, с. 119–131.
37. Васильев, Л. С. (2013), *История Востока*: в 2 т., т. 1, М.: Юрайт.
38. Берч, К. (2015), Риск-аппетит: не откусывайте больше, чем можете проглотить. URL: https://www.cfin.ru/fi_nanalysis/risk/RiskAppetite.shtml (дата обращения: 15.03.2023).

---

* «Левада-центр» признан иностранным агентом в РФ.

39. Tierney, K. J. (1994), Sociology's unique contribution to the study of risk, *Paper presented at the 13th World congress of sociology*, Bielefeld, July, pp. 2–22.
40. Бек, У. (1994), От индустриального общества к обществу риска, *THESIS*, вып. 5, с. 161–168.
41. Яницкий, О. Н. (2011). Риск солидарности в критической ситуации. *Социологический ежегодник*, сборник научных трудов, М.: ИНИОН, НИУ-ВШЭ.
42. Павловский, Г. О. и Гаазе, К. Б. (2020), Маркс и теория события Михаила Гефтера, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, № 2, с. 165–202.
43. Beck, U. (2006), Living in the World Risk Society, *Economy and Society*, no. 3, pp. 29–345.
44. Aleinikov, A. V., Gazimagomedov, G. G., Maltseva, D. A., Miletskiy, V. P. and Safonova, O. D. (2021), Risk reflexivity and information interpretation conflict under the conditions of coronacrisis, *Scientific and Technical Information Processing*, no. 4, pp. 258–264.
45. Archer, M. S. (2003), *Structure, agency and the internal conversation*, Cambridge: Cambridge University Press.
46. Кучинов, А. М. (2017), Теория социального морфогенеза и рефлексивности Маргарет Арчер (Сводный реферат), *Метод: Московский ежегодник трудов из общественно-научных дисциплин*, вып. 7, с. 365–392.
47. Норт, Д., Уоллис, Д., и Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*, М.: Изд-во Института Гайдара.
48. Алейников, А. В. и Сунами, А. Н. (2022), Факторы конструирования риск-рефлексий: конфликтные грани размежеваний, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 38, вып. 3, с. 382–396.
49. Тамбовцев, В. (2015), Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях, *Вопросы экономики*, № 12, с. 85–106.
50. Arndt, J., Routledge, C., Cox, C. R. and Goldenberg, J. L. (2005), The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction, *Applied and Preventive Psychology*, no. 11, pp. 191–213.
51. Mythen, G. (2018), Thinking with Ulrich Beck: security, terrorism and transformation, *Journal of risk research*, no. 1, pp. 17–28.
52. Фишман, Л. Г., Мартыянов, В. С. и Давыдов, Д. А. (2019) *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*, М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Алейников Андрей Викторович — д-р филос. наук, проф.; a.alejnikov@spbu.ru
Стребков Александр Иванович — д-р полит. наук, проф.; a.strebkov@spbu.ru
Милецкий Владимир Петрович — д-р полит. наук, проф.; v.miletskiy@spbu.ru

Risk-reflections' Conflict Potential: Conceptual Models and Research Problems of the Modern Analytics*

A. V. Aleinikov, A. I. Strebkov, V. P. Miletskiy

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Aleinikov A. V., Strebkov A. I., Miletskiy V. P. Risk-reflections' Conflict Potential: Conceptual Models and Research Problems of the Modern Analytics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 514–530.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309> (In Russian)

Correlation problem of contradictions between “risk-beneficiaries” and “risk-outsiders” gains particular relevance during periods of the established order's forced change and fundamental, ontological uncertainty. On the basis of riskological literature generalization we offer conflict potential's analysis methodology of different risk-reflections' types. Theoretical developments on problems of risk and protection/security forms' dialectic and dialectic of risk's foundation and its reflection had served as research's conceptual framework. In this debate special place is occupied by works by U. Beck whose interpretation of actualization of social tensions is linked with the conflictual perception of risks' producers and consumers and works by P. Virno who suggested certain theoretical solutions on methodology of risks-reflexivity's key elements' singling out. Authors' attention is focused on the main reflexive characteristics of stakeholders' analysis. It is shown that risk-reflections are fraught with ideological and political preferences while in risks' distribution process there is difference of hierarchies in which under certain stakeholders' dominance, risk-beneficiaries shape outsiders' adaptation strategies to their advantage in zone of threats and dangers, imposing them certain risk-reflections models, winning chances' institutionalization forms and risk behavior strategies. Article considers approaches to the solution of the issue of the different interests' groups' selection criteria of the dangers' priorities' importance and significance and evaluation/revaluation/underestimation issue of risk severity levels and its social acceptability. Article presents theoretical perspective of the socially acceptable risk level, its capacity, limit and disagreement of social subjects with the evaluation of tolerance towards risk on the basis of “risk-appetite” model. In this context special attention is paid to the threats' free “selling and buying” logic, e.g. security as the source of risk management resources' conversion into possession of power and property. Authors come to the conclusion that risks exploitation and earning rent from risks management along with reflexive conservation of risks' distribution system cause society's conflict potential's growth.

Keywords: risk, risk-reflection, conflict, uncertainty, risk-stakeholders, risk-beneficiary, risk-outsiders.

References

1. Douglas, M. (1994), Risk as Forensic Resource, *THESIS*, is. 5, pp. 242–276. (In Russian)
2. Hegel, G. (1978). *Political works*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
3. Cascio, J. *Facing the Age of Chaos*. Available at: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (accessed: 15.03.2023).
4. CROS, *Special project within the framework of the study “National Anxiety Index”*. Available at: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/1231> (accessed: 15.03.2023). (In Russian)
5. Russian Public Opinion Research Center, *Fear Index*. Available at: wciom.ru/ratings/indeks-strakhov (accessed: 15.03.2023). (In Russian)

---

* The research was funded by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

6. Hierarchy of mass fears of Russians, *Levada Center**. Available at: <https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/> (accessed: 15.03.2023). (In Russian)
7. Nestik, T. A. and Zadorin, I. V. (2020), Russians' Attitudes towards Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors Affecting People's Perception of Threats, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp.4–28. (In Russian)
8. Beck, U. (2000), *Risk Society. Towards a New Modernity*, Moscow: Progress-traditsiia Publ. (In Russian)
9. Schmidt, V. A. (2008), Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse, *Annual review of political science*, no. 4, pp. 303–326.
10. Seligman, A. (2002), *The problem of confidence*, Moscow: Ideia-Press Publ. (In Russian)
11. Gryakalov, A. A. (2014), Uncertainty: event and reflection, *Vestnik of St. Petersburg State University, Series 17: Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, is. 2, pp. 12–21. (In Russian)
12. Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2008), Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 2, pp. 142–155. (In Russian)
13. North, D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*, Moscow: HSE Press. (In Russian)
14. Nestik, T. A. and Zhuravlev, A. L. (eds) (2020), *An Individual in the Context of Global Risks: A Socio-Psychological Analysis*, Moscow: Institut Psikhologii RAS Publ. (In Russian)
15. McCombs, M. and Shaw, D. (1972), The agenda-setting function of mass-media, *Public opinion quarterly*, vol. 36, no. 3, pp. 176–187.
16. Solovyov, A. I. (2019), Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 8–25. (In Russian)
17. The nature and structure of mass anxiety in Russia, *Levada Center**. Available at: <https://www.levada.ru/2021/04/21/harakter-i-struktura-massovoj-trevozhnosti-v-rossii/> (accessed: 15.03.2023). (In Russian)
18. Virno, P. (2013), *A Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life*, Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)
19. Alle, M. (1994), Rational Human Behaviour under Conditions of Risk, *THESIS*, is. 5, pp.217–241. (In Russian)
20. Giddens, A. (1994), Fate, Risk and Security, *THESIS*, is. 5, pp. 105–134. (In Russian)
21. Tikhonova, N. E. (2018), Stratification by life chances of mass strata in modern russian society, *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, no. 6, pp. 53–65. (In Russian)
22. Freeman, R. E. (1984), *Strategic management: a stakeholder approach*, Boston: Pitman.
23. Mendelow, A. (1991), Environmental Scanning: The Impact of the Stakeholder Concept, in: *Proceedings From the Second International Conference on Information Systems*, Cambridge, pp. 407–418.
24. Luhman, N. (2013), Risk and danger, *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 2. Available at: <https://strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost> (accessed: 15.03.2023). (In Russian)
25. Polterovich, V. M. (2021), Collaborative hierarchies, *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 1–48. (In Russian)
26. Nedyak, I. L., Pavlova, T. V., Patrushev, S. V. and Philippova, L. E. (2020), Political field and zone of power: ideal type varieties, *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, no. 1, pp. 42–53. (In Russian)
27. Yanitskiy, O. N. (2002), The “critical case”: Social order in the “Risk society”, *Russian Sociological Review*, vol. 2, no. 2, pp. 86–99. (In Russian)
28. Diev, V. S. (2019), Uncertainty, Risk and Decision-Making in an Interdisciplinary Context, *Siberian Journal of Philosophy*, no. 4, pp. 41–52. (In Russian)
29. Kachalov, R. M. (2020), Risk phenomenon as an artificial economic science object, *Issues of Risk Analysis*, no. 1, pp. 100–108. (In Russian)
30. Madera, A. G. (2014), *Risks and Odds. Uncertainty, forecasting and assessment*, Moscow: URSS Publ. (In Russian)
31. Magnitskii, N. A. (2011), *Theory of dynamical chaos*, Moscow: Lenand Publ. (In Russian)
32. Hilgartner, S. and Bosk, Ch. L. (1988), The rise and fall of social problems: a public arenas model, *American journal of sociology*, 1988, no. 1, pp. 53–78.
33. D'yakova, E. G. (2002), Mass Communication and Power in Agenda-Setting Theory, *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niia Ros. akad. nauk*, is. 3, pp. 144–168. (In Russian)

---

* Levada Center is recognized as a foreign agent in Russian Federation.

34. Latov, Yu. V. (2004), Power-property in medieval Russia, *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universitet*, no. 4, pp. 111–133. (In Russian)
35. Pliskevich, N.M. (2006), «Power — property» in modern Russia: the origin and perspectives of mutation, *Mir Rossii*, no. 3, pp. 62–113. (In Russian)
36. Tsirel, S. V. (2006), «Power-property» in the works of Russian historians and economists, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 119–131. (In Russian)
37. Vasiliev, L. S. (2013), History of the East, vol. 1. Moscow: Iurait Publ. (In Russian)
38. Birch, K. (2015). *Risk appetite: Don't bite off more than you can swallow*. Available at: https://www.cfn.ru/finanalysis/risk/Risk_Appetite.shtml (accessed 15.03.2023) (In Russian)
39. Tierney, K. J. (1994), *Sociology's unique contribution to the study of risk: Paper presented at the 13th World congress of sociology*, Bielefeld, July, pp. 2–22.
40. Beck, U. (1994), From Industrial Society to the Risk Society, *THESIS*, is. 5, pp. 161–168 (In Russian)
41. Yanitskii, O.N. (2011), The Risk of Solidarity in a Critical Situation, *Sotsiologicheskii ezhegodnik [Sociological Yearbook]*, pp. 143–161, Moscow: INION, HSE Publ. (In Russian)
42. Pavlovskiy, G. O., and Gaaze, K. B. (2020), Marx and Michael Geffer's Theory of the Event, *Journal of the Higher School of Economics*, no. 2, pp. 165–202. (In Russian)
43. Beck, U. (2006), Living in the World Risk Society, *Economy and Society*, no. 3, pp. 29–345.
44. Aleinikov, A. V., Gazimagomedov, G. G., Maltseva, D. A., Miletskiy, V. P. and Safonova, O. D. (2021), Risk reflexivity and information interpretation conflict under the conditions of coronacrisis, *Scientific and Technical Information Processing*, no. 4, pp. 258–264.
45. Archer, M.S. (2003), *Structure, agency and the internal conversation*, Cambridge: Cambridge University Press.
46. Kuchinov, A. M., (2017), Margaret Archer's theory of social morphogenesis and reflectivity, *Metod*, no. 7, pp. 365–392. (In Russian)
47. North, D., Wallis, J. and Weingast, B. (2011). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*, Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
48. Aleinikov, A. V. and Sunami, A. N. (2022), Risk-reflections design factors: Conflict lines of cleavages. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 38, is. 3, pp. 382–396. (In Russian)
49. Tambovtsev, V. (2015), The myth of the “cultural code” in economic research. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 85–106. (In Russian)
50. Arndt, J., Routledge, C., Cox, C.R. and Goldenberg, J.L. (2005), The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction, *Applied and Preventive Psychology*, no. 11, pp. 191–213.
51. Mythen, G. (2018), Thinking with Ulrich Beck: security, terrorism and transformation, *Journal of risk research*, no. 1, pp. 17–28.
52. Fishman, L. G., Martyanov, V.S. and Davydov, D. A. (2019), *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*, Moscow: HSE Press. (In Russian)

Received: September 7, 2022

Accepted: April 15, 2023

Authors' information:

Andrei V. Aleinikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.alejnikov@spbu.ru

Alexandr I. Strebkov — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; a.strebkov@spbu.ru

Vladimir P. Miletskiy — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; v.miletskiy@spbu.ru